

Юй Чанцин опустил взгляд и посмотрел на него.

Ван Дачжуан, заметив, что тот, кажется, собирается сделать шаг вперёд, поднял руку и крепко схватил его за предплечье:

— Сяньцзюнь, можно я сам разберусь с этой ситуацией?

Толпа, наблюдавшая за происходящим, была потрясена. Этот человек не только осмелился приблизиться к Почтенному Ханьяну, который в тот момент буквально пылал яростью, но даже заботливо провёл рукой по его спине, словно успокаивая! И всё ещё стоял на ногах, не превратившись в кровавое месиво! Все вокруг невольно подумали: Ты, должно быть, шутишь... Хочешь решать за самого Почтенного Ханьяна? Даже глава секты Гуйюань вряд ли бы осмелился на такое!

Однако дальше произошло то, чего никто не ожидал. Юй Чанцин внимательно посмотрел на Ван Дачжуана, и вдруг его устрашающая аура рассеялась, и даже голос стал мягче:

— Действуй.

!!!

Ван Дачжуан, ощущая на себе шокированные взгляды со всех сторон, шагнул вперёд и обратился к культиватору в голубом:

— Вы оскорбили меня и мою секту. Мой спутник наказал вас. Признаёте ли вы свою вину?

Оба культиватора были так напуганы, что не смели даже поднять головы, не говоря уже о каком-либо несогласии. Они были согласны. Абсолютно, беспрекословно согласны.

Ван Дачжуан продолжил:

— Сегодня при свете дня я не стану устраивать резню, чтобы потом никто не смог сказать, будто Почтенный Ханьян злоупотребляет своей силой, убивая слабых культиваторов прямо на улице. Мы решим этот вопрос между собой. Раз уж вы считаете меня слабым, недостойным культиватором, раз уж называете меня мусором, который даже не достиг стадии Закладки Основы, то я бросаю вам вызов.

Он прищурился и отчеканил каждое слово:

— Через три года, если я смогу вас победить, вы должны будете, держа в руках покаянное письмо в десять тысяч иероглифов, пешком подняться по тысяча трёхстам ступеням «Лестницы Испытания Сердца» у ворот секты Гуйюань, и громко зачитать его перед всеми

учениками Гуйюаня, признавая ошибку и извиняясь перед Почтенным Ханьяном!

Культиватор в голубом пробормотал:

— Можно убить воина, но нельзя унижить его...

Ван Дачжуан холодно бросил:

— Получить наказание за собственные ошибки — не унижение, а справедливость. Или ты настолько жалок, что даже не уверен, сможешь ли победить такого «ничтожества», как я, который даже не достиг Закладки Основы?

Он посмотрел противнику прямо в глаза и медленно добавил:

— Если вы не решаетесь принять открытый вызов, а только судачите за спиной... то в этой жизни вам не суждено добиться чего-либо большего. Разве такие, как вы, достойны гнева моего спутника?

Культиватор в жёлтом сидел на земле, словно оглушённый. Долгое время он тупо смотрел на подол белоснежных одежд Юй Чанцина, а затем внезапно перевернулся на колени, ударил лбом о землю и воскликнул:

— Не нужно ждать три года! Я отправлюсь в Гуйюань немедленно, поднимусь по «Лестнице Испытания Сердца» и трижды преклоню колени, чтобы лично попросить прощения у Почтенного Ханьяна!

Культиватор в голубом вздрогнул, помедлил на мгновение, а затем тоже опустил голову к земле и произнёс:

— Благодарю господина за возможность искупить свою вину.

Но Ван Дачжуан лишь усмехнулся и покачал головой:

— Извиняться будете, но трёхлетний вызов остаётся в силе. Сейчас я ещё слишком слаб, и мне приходится полагаться на силу Почтенного, чтобы вы признали свою неправоту. Но через три года я собственными кулаками выбью из вас все зубы!

Культиватор в жёлтом машинально поднял голову и встретился с пронзительным взглядом Ван Дачжуана. Тот зло оскалился, обнажив зубы в насмешливой улыбке. Мужчина тут же опустил голову обратно, не в силах разобраться в своих чувствах.

Ван Дачжуан громко заявил:

— Я — Ван... Цзися из секты Гуйюань! Назовите свои имена!

Культиватор в жёлтом ответил:

— Хун Сюэи, принимаю вызов господина Цзися.

Культиватор в голубом тихо произнёс:

— Лю Юннъянь, принимаю вызов господина Цзися.

Ван Дачжуан кивнул.

— Хорошо! Через три года, у ворот Гуйюань, мы сразимся. Если проиграете, то будете повиноваться моему условию и подниметесь на гору с покаянием. — Он сузил глаза и процедил:
— Если осмелитесь не явиться, мы достанем вас хоть с неба, хоть из-под земли!

Оба культиватора тяжело вздохнули.

— Согласны.

— Не волнуйтесь, я не позволю никому вмешаться в поединок. Мечник должен не только оттачивать меч, но и закалять сердце. Раз слово сказано, я не отступлюсь. Вам не нужно бояться, что я приведу подмогу, чтобы вас обмануть.

— Лю понимает, — со вздохом сказал культиватор в голубой одежде.

Только тогда Ван Дачжуан повернулся, взял Юй Чанцина за руку и сказал:

— Сяньцзюнь, вернёмся.

Юй Чанцин смотрел, как он важно шествует, словно петух после победы, и ему захотелось улыбнуться. Но вспомнив просьбу Ван Дачжуана не улыбаться другим, сдержался и лишь слегка кивнул. Взмахнув рукавом и заложив одну руку за спину, он неспешно пошёл рядом с Ван Дачжуаном.

Пройдя немного, они увидели Циньян-чжэньжэня, стоящего на перекрёстке вместе со старейшинами Чиюнем и Гужун. Те с улыбкой наблюдали за происходящим, а за ними выстроились в ряд ученики-мечники. Когда они подошли, мечники склонили головы и хором поприветствовали их:

— Старейшина Ханьян, господин Цзися.

Юй Чанцин кивнул и, держа Ван Дачжуана за руку, прошёл мимо них. А Ван Дачжуан обернулся и, смеясь, скорчил им рожицу.

Несколько учеников прыснули со смеху, но поспешили сдержаться. Старейшина Чиюнь громко расхохотался, и даже на лице старейшины Гужун появилась лёгкая улыбка.

Циньян-чжэньжэнь взмахнул рукой, и группа мечников шумной толпой снова вернулась в гостиницу.

Тем временем среди зрителей:

И это... всё? Ни массовой резни, ни рек крови, городок цел, и мы не пострадали?

Неужели в этом мире действительно есть человек, способный успокоить разгневанного Почтенного Ханьяна?! Да благословят Небеса господина Цзися!

А тем временем внушающий трепет господин Цзися, вернувшись в комнату, когда остались только они вдвоём, снова начал теряться и смущаться. Даже глядя на спину Сяньцзюня у окна, он чувствовал, как уши его горят, а сердце бешено колотится. В глазах мелькал его образ с влажным, как осенняя вода, взглядом и тонкой краснотой у внешних уголков глаз. Он не удержался, налил чашку воды и залпом выпил, затем пошёл неуклюже, как медведь, к кровати и сел.

Но едва коснувшись кровати, как в голову ударили воспоминания о том, что они здесь делали раньше. Внезапно ему показалось, что и кровать слишком горячая. Он уже собирался вскочить, но Юй Чанцин обернулся, посмотрел на него и спросил:

— В прошлый раз, в секте Линбао, те люди говорили в лицо ещё более обидные вещи, но ты не разгневался. А сегодня отчего же так вспыхнул?

Ван Дачжуан неловко поёрзал и пробормотал:

— В прошлый раз они называли меня деревенщиной и прочее... но ведь они не ошиблись, на что мне было злиться? Но сегодня они говорили о тебе...

Юй Чанцин медленно подошёл, взмахнул длинным рукавом и сел рядом с ним:

— И что же они говорили обо мне?

Ван Дачжуан, вспомнив услышанное, позабыл о своём смущении. Он свёл брови и сердито выпалил:

— Они говорили, что твоя слава напускная, что ты шарлатан, и что ты жесток, как разбойник! Как я мог это стерпеть?!

Юй Чанцин слегка приподнял брови, на губах заиграла лёгкая улыбка. Он тихо спросил:

— А когда я пришёл, почему ты сказал только, что они оскорбили секту и тебя, но ни словом не обмолвился об этом?

Ван Дачжуан почесал шею, бросил на него быстрый взгляд и пояснил:

— Я просто подумал... если сказать это прилюдно, это будет выглядеть так, будто ты мелочен и пользуешься своей силой, чтобы запретить людям говорить. Там было много народа, и кто знает, какие слухи могли бы потом расползтись? А вот защитить спутника и секту — это уже другое дело. Это может даже... даже улучшить твою репутацию... Сяньцзюнь, я что-то не так сказал?

Юй Чанцин вздохнул, поднял руку и крепко сжал его ладонь.

— Нет. Ты всё сделал правильно.

<http://bllate.org/book/12569/1117985>